
МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

Желтые отлогие холмы, роняя лиловые тени, окаймляют пустынный берег Черного моря. Ни деревца, ни былинки; голый, суровый, напоенный горечью земли и соленым ветром край. Он напоминает окрестности Сиены,¹ места, в которых Данте предчувствовал ад. Как странно, что здесь, среди этой благословенной наготы земли, вырос поэт золотых, тяжелых риз, ревниво скрывающих бедную, темную плоть. Поэт, соблазненный всеми облачениями и всеми масками жизни: порхающими святыми барокко и штейнеровскими идолослужениями,² загадками Малларме³ и кабаллистическими формулами, замков не отмыкающими ключами Апокалипсиса и дэндизмом Барбе д'Оревилли.⁴ Поэт, чье елейное и чересчур торжественное имя — Максимилиан, — почти маска. Маска ли? Грубой рукой не пытайтесь сорвать ее с только предполагаемого лица. Не казните доверчивого хитреца злой казнью сатира Марсия⁵ или апостола Варфоломея.⁶ Ведь и лицо может превратиться в маску, и маска может стать теплой плотью. Нет, лучше изучайте статьи, похожие на стихи, стихи, похожие на статьи, целую коллекцию причудливых и занятных масок.

Густые, золотые завитки волос, очень много волос, обступающих ясные, вежливые, опасно приветливые глаза. О, читающие в сердцах, напрасно вы заглядываете под пенсне, ибо глаза его не дневник, но только многотомный энциклопедический словарь.

Кто разберется в этих противоречивых данных? Лихач с Тверской-Ямской, надевший хитон элина. Парижанин с Монпарнаса, в бархатных штанишках, обросший благообразной степенной бородой держателя чайной. Коктебель — единственное в России место, на Россию никак не похожее, — стихи басом распеваемые, о протопице. Элегии Анри де Ренье⁷ о чашах этрусских и иных, и котел с доброю кашей, крутой, ядреной, деловито поедаемой большой деревянной ложкой. Святая Русь, доктор Штейнер, патриарх, игривые фельетоны Поля Сан-Виктора, Россия, Европа, мир — из окон мастерской, где много книг, много времени, чтобы их читать, и пишущая машинка для гимнов блаженному юродству.

Пенсне Волошина, как и многому другому, доверять не следует. Его слабость — слишком зоркий и ясный глаз. Его стихи — безупречно точные видения. Одинаково вырисованы и пейзаж Коктебеля и Страшный Суд. Он не умеет спотыкаться, наткнуться на фонари или на соседние звезды. Из всех масок самая пренебрегаемая им — маска слепца, будь то счастливый любовник, яростный революционер или Великий Инквизитор.

В первые месяцы войны, когда слепота перестала быть привилегией немногих и ненависть смежила очи народов, Волошин, единственный из всех русских поэтов, сберег ясновзорость и мудрость. Среди бурь революции он сохранил свою неподвижность, превратив Коктебель в какую-то метеорологическую станцию. Проклятьям Бальмонта и дифирамбам Брюсова он решительно предпочел экскурсии в область российской истории, сравнения, более или менее живописные, с 93 годом, и если не жаркие, то зато обстоятельные молитвы за белых, за красных, за всех, своего Коктебеля лишенных. Соблюсти себя в иные эпохи почти чудо, и потом, можно ли от редкого зерна, хранящегося в ботаническом музее, требовать, чтобы оно погибло и проросло, как самое обыкновенное евангельское, человеческое, мужицкое.

Когда Волошин идет, он слегка подпрыгивает. Поэт Волошин прыгает всегда, его образы и мысли — упражнения на трапециях, смелые сальто-мортале. Это отнюдь не для рекламы, но исключительно из любви к искусству. Все, что он говорит, кажется неестественным, невозможным, и если бы Волошин повторял таблицу умножения, мы бы решили, что он расточает парадоксы. Грузный Волошин кажется бесплотным, отвлеченным человеком, у которого не может быть биографии. Ни бархатные штаны, ни стихи о любви не убеждают в реальности его существования. С ним легко разговаривать о Майе или о надписях на солнечных часах,⁸ но можно ли только воображаемому человеку пожаловаться на зубную боль? Отсюда недоверие и профессиональная улыбка Волошина, привыкшего, чтобы его щупали — настоящий ли? Не только *poli me tangere*,⁹ но всяческие удобства при осмотре. Только нам не прощупать — на ризе риза; а что если под всеми ризами трепетное тело с его жестокими правами, и под всеми приемами нашего Эредиа¹⁰ страстное косматое сердце?

Нет, не надо пробовать снять неснимаемую маску!

⟨1920(?)⟩

М. А. Волошин

* * *

Глубь земли... Источенные крипты.
Слышно пенье, — погребальный клир.
Ветви пальм. Сухие эвкалипты.
Запах воска. Тление и мир.

Здесь соборов каменные корни.
Прахом в прах таинственно сойти,
Здесь истлеть, как семя в темном дерне,
И цветком собора расцвести!

Милой плотью скованное время,
Своды лба и звенья позвонков
Я сложу, как радостное бремя,
Как гирлянды праздничных венков.

Не прийдя к конечному пределу,
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

Свет очей — любовь мою сыновью
Я тебе незрячей отдаю
И своею солнечною кровью
Злое сердце мрака напою.

* * *

Склоняясь ниц, овеян ночи синью,
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
О, мать — земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и наслажденьях,
Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточил, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело Бога
Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли
— Благодарю.

* * *

Замер дух — стыдливый и суровый,
Знанием новой истины объят...
Стал я ближе к плоти, больше людям брат.

Я познал сегодня ночью новый
Грех... И строже стала тишина —
Тишина души в провалах сна...

Чрез желанье, слабость и склоненье,
Чрез приятье жизненных вериг —
Я к земле доверчивей приник.

Есть в грехе великое смирение:
Гордый дух да не осудит плоть!
Через грех взыскует тварь Господь.

* * *

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленен в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынувшей земли.

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшихся времен.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.

1914.

ВИДЕНИЕ ИЕЗЕКИИЛЯ

Бог наш — есть огонь поядоющий. Твари
Явлен был свет на реке на Ховаре.
В буре клубящейся двигался Он —
Облак, несомый верховными силами,
Четверорукими, шестикрылыми,
С бычьими, птичьими, человеческими,
Львиными ликами с разных сторон.

Видом они — точно угли горящие,
Ноги прямые и медью блестящие,
Лики, как свет раскаленных лампад.
И вопиющие, и говорящие,
И воззывающие к Господу: «Свят.
Свят Вседержитель». А около разные,
Цветом похожи на камень топаз,
Вихри и диски, колеса алмазные,
Дымные ободы, полные глаз.
А над животными легкими сводами,
Крылья простерты в высоту,
Схожие с шумом, с гудящими водами,
Переполняющими пустоту.
Выше же вышних, над сводом всемирным
Тонким и синим повитым огнем,
В радужной славе, на троне сапфирном
Огненный Облик, гремящий, как гром.
Был я покрыт налетевшей грозой,
Бурею крыльев и вихрем колес.
Дух меня поднял с земли и вознес.
Был ко мне голос:
«Иди предо мною
В землю Мою, возвести ей позор.
Перед лицом Моим ветер пустыни,

А по стопам Моим — язвы и мор.
Буду судиться с тобою Я ныне.

Мать родила тебя ночью в полях,
Пуп не обрезала, не омыла
И не осолила и не повила —
Бросила дочь на попрание, в прах.
Я ж тебе молвил: живи во кровях.

Выросла смуглой и стройной, как колос.
Грудь поднялась, закурчавился волос,
И округлился, как чаша, живот.
Время любви твоей было. И вот,
В полдень лежала ты в поле нагая.
И проходил и увидел тебя Я.
Край своих риз над тобою простер,
Обнял. Обмыл твою кровь. И с тех пор
Я сочетался с рабою Моею.
Дал тебе плат, кисею на лицо,
Перстни для рук, ожерелье на шею,
На уши серьги, в ноздри кольцо,
Пояс, запястья, венец драгоценный
И покрывала из тканей сквозных.
Стала краса твоя совершенной
В великолепных уборах моих.
Хлебом пшеничным, елеем и медом
Я ль не вскормил тебя щедрой рукой.
Дальним известна ты стала народам
Необычайною красотой.
Но опьяненная славой и властью
Стала мечтать о красивых мужах
И распалялась нечистой страстью
К изображениям на стенах.
Между соседей рождала усобья,
Стала распутна, ловка и хитра.
Ты создавала мужские подобья
Знаки из золота и серебра,
Строила вышки, скликала прохожих,
И блудодеяла с ними на ложах,
На перекрестках путей и дорог
Ноги раскидывала перед ними...

Каждый, придя, оголить тебя мог
И насладиться сосцами твоими.

Буду судиться с тобой до конца.
Гнев изолью. Истощу свою ярость.
Семя сотру, прокляну твою старость.
От Моего не укрыться лица.
Всех созову, что блудили с тобою,
Платье сорву и оставлю нагою.
И обнажу пред всеми твой срам.
Темя обрею. Связавши ремнями
В руки любовников прежних предам,
Пусть тебя бьют, побивают камнями,
Хлещут бичами нечистую плоть.
Станешь бесплодной, истоптанной нивой,
Ибо любима любовью ревнивой...
Так говорю тебе, Я, твой Господь».

